

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА. ПОЭТИКА –

УДК 821.512.37;82-1

<https://doi.org/10.25587/2782-6635-2026-2-48-58>

Оригинальная научная статья

**Поэтика вещи в поэме Х. Сян-Белгина
о Великой Отечественной войне**

Р. М. Ханинова

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

г. Элиста, Российская Федерация

✉ khaninova@bk.ru

Аннотация

Актуальность статьи определена малоизученностью жанра поэмы в калмыцкой поэзии XX века, в том числе в творчестве народного поэта Калмыкии Хасыра Сян-Белгина. Цель статьи – изучение неисследованной ранее поэмы поэта о Великой Отечественной войне «Балта эрэтэ альчур» («Медового цвета узорчатый платок», 1958) в аспекте поэтики вещи. Новизна исследования обусловлена семиотическим подходом к функции вещи в сюжете произведения, сравнительно-сопоставительным методом в фольклорной традиции калмыцкой народной песни, калмыцкой волшебной сказки и авторской поэмы. Узорчатый шелковый платок девушки, подаренный юноше, уходящему служить в армию, стал знаком ее любви и верности, а также оберегом. Во время Великой Отечественной войны эта вещь выполняет защитную функцию: раненому герою останавливает кровь, затем превращается им в опознавательный маркер как красный флаг, свидетельствующий о достижении военной задачи – захват вражеской высоты. Фольклорная традиция калмыцкой народной песни (девичий платок как любовный подарок юноше, уходящему на службу в армию) и калмыцкой волшебной сказки (платок как средство оживления умершего мужа) в поэме современного калмыцкого поэта дополнена категорией героического в образе защитника Отечества. Сюжетообразующая функция вещи в этой поэме, начиная с заглавия, передает символику любви, долга и подвига. Произведение, переведенное на русский язык под названием «Шелковый узорчатый платок» (1959), публиковалось в разные годы по-калмыцки и в русском переводе как стихотворение.

Ключевые слова: Сян-Белгин, калмыцкая поэма, Великая Отечественная война, фольклорная традиция, поэтика вещи, платок, флаг, символика, любовь, подвиг

Финансирование. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер гос. регистрации: 123021300198–4)

Для цитирования: Ханинова Р. М. Поэтика вещи в поэме Х. Сян-Белгина о Великой Отечественной войне. *Вопросы национальных литератур. Issues of National Literature*. 2026, № 2 (22). С. 48–58. DOI: 10.25587/2782-6635-2026-2-48-58

Original article

The poetics of things in Khasyr Syan-Belgin's Poem about the Great Patriotic War

Rimma M. Khaninova

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

✉ khaninova@bk.ru

Abstract

The relevance of the article is determined by the understudied nature of the poem genre in Kalmyk poetry of the 20th century, including the works of the People's Poet of Kalmykia, Khasyr Syan-Belgin. The purpose of the article is to study the previously unexplored poem "*Balta erəta alchur*" ("Honey-colored patterned handkerchief", 1958) by the poet about the Great Patriotic War in terms of its poetics. The novelty of the research is due to the semiotic approach to the function of an object in the plot of a work, the comparative-comparative method in the folklore tradition of the Kalmyk folk song, the Kalmyk fairy tale, and the author's poem. The patterned silk handkerchief of a girl, given to a young man who is leaving to serve in the army, became a symbol of her love and loyalty, as well as a protective amulet. During the Great Patriotic War, this object performs a protective function: it stops the bleeding of a wounded hero, and then it becomes an identification marker like a red flag, indicating the achievement of a military objective – the capture of an enemy height. The folklore tradition of the Kalmyk folk song (a girl's handkerchief as a love gift for a young man leaving for military service) and the Kalmyk fairy tale (a handkerchief as a means of reviving a deceased husband) in the poem by a contemporary Kalmyk poet is complemented by the category of heroism in the image of a defender of the Fatherland. The plot-forming function of the object in this poem, starting with the title, conveys the symbolism of love, duty, and heroism. Russian translation of the work entitled "Silk Patterned Handkerchief" (1959) was published over the years in Kalmyk, both in Russian translation and as a poem.

Keywords: Syan-Belgin, kalmyk poem, Great Patriotic War, folklore tradition, poetics of things, handkerchief, flag, symbolism, love, feat

Funding. The research was conducted within the framework of the state subsidy project "Universals and specifics of traditions of the Mongolian-speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China" (state registration number: 123021300198-4)

For citation: Khaninova R. M. The poetics of things in Khasyr Syan-Belgin's Poem about the Great Patriotic War. *Issues of National Literature*. 2026, No. 2 (22). Pp. 48–58. DOI: 10.25587/2782-6635-2026-2-48-58

Введение

Актуальность и новизна статьи обусловлены малоизученностью жанра поэмы в калмыцкой поэзии XX в. До сих пор нет монографического исследования по этой теме, кроме общих работ по истории калмыцкой литературы XX в. или отдельных работ по творчеству тех или иных поэтов, в которых затрагиваются те или иные вопросы, связанные с историей создания и публикацией избранных поэм, их своеобразием. Между тем, начиная с 1920-х гг., жанр поэмы стал осваиваться калмыцкими поэтами в той или иной степени в его разновидностях вплоть до конца столетия. Первой попыткой создания поэмы стало произведение одного из основоположников калмыцкой литературы Аксена Илюмджиновича Сусеева (1905–1995) под названием «Болд зүркн» («Стальное сердце», 1928),

которое, по нашему мнению, скорее, большое стихотворение, чем поэма [1]. Первые поэмы калмыцких поэтов на историко-революционную тематику Нимгира Манджиева («Красная звезда»), Санджи Каляева («Богатыри – красные орлы»), Аксена Сусеева («Сын степей») и др. закономерно перешли в произведения, написанные о Великой Отечественной войне. Среди них поэмы о ее реальных героях Санджи Каляевича Каляева (1905–1985) «Тамара», Аксена Илюмджиновича Сусеева «Юрий Клыков», Давида Никитича Кугультинова (1922–2006) «Моабитский узник», так и о собирательных образах защитников родины в поэмах Морхаджи Бамбаевича Нармаева (1915–1993) «Ржев, городок российский», «Бой на Березине» Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981), «На Маныче» Андрея Манганыковича Джимбиева (1924–2022) и др. [2]. Жанру поэмы многие калмыцкие поэты уделяли внимание на протяжении своего литературного пути, создав не один десяток произведений.

В творчестве народного поэта Калмыкии Хасыра Бикиновича Сян-Белгина (1909–1980) поэма заняла одно из ведущих мест. Он автор свыше двадцати поэм разного объема, лирико-эпических, исторических, лирико-публицистических, лирико-драматических, сатирических, поэм-сказок и др. В основном литературоведами изучались его главные произведения: «Өнчн бөк» («Борец-сирота»), «Мазн» («Мазан»), «Бурата хол деер» («На реке Бурата»), «Ах-дү хойр» («Два брата») [3, 4, 5, 6, 2, 7].

Теме Великой Отечественной войны адресовано несколько поэм поэта. Среди них, например, «Балта эрэтэ альчур» («Медового цвета узорчатый платок», 1958) [8], «Эңкр иньгүд» («Верные друзья», 1961) [9], «Бурата хол деер» («На реке Бурата», 1961) [8, 10]. «Эңкр иньгүд» («Верные друзья») являет традиционные для калмыцкого фольклора, истории и культуры образы защитников Отечества – всадника и его коня; дружные с детства, они вместе сражаются и на войне. Если первые две поэмы не рассматривались до сих пор, то о третьей поэме высказывалось общее мнение, что война показана там опосредованно, через тему семьи солдата, вернувшегося с фронта: во время войны потерялась его двухлетняя дочь, прошло двадцать лет, но память о потере неизбежна (жива ли, погибла ли – неизвестно).

Сам автор не принимал участия в военных действиях в связи с тем, что в 1937 г. был незаконно репрессирован, осужден на 8 лет, около двадцати лет провел в лагерях на Колыме.

Первая поэма «Балта эрэтэ альчур» («Медового цвета узорчатый платок») о Великой Отечественной войне написана им после возвращения в Калмыкию в 1958 г., опубликована сперва в республиканской газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»), затем в авторской книге «Әмд заль» («Живое пламя», 1972), составленной из его 17 поэм. Там это произведение обозначено как поэма [8]. В другой авторской книге «Теңгрин уйдл» («Млечный путь», 1977), составленной из стихотворений, спустя пять лет эта поэма вошла уже как стихотворение [11]. Впервые переведенный Константином Алтайским на русский язык в 1959 г. текст напечатан в книге стихотворений «Верность» под названием «Шелковый узорчатый платок» [12], т. е. при жизни автора. Поскольку это произведение не рассматривалось донныне, а сам поэт никогда не комментировал свои вещи, трудно сейчас сказать, чем вызвана такая жанровая дифференциация и оригинала, и перевода.

Надо заметить, что подобный случай характерен, например, и для упомянутой первой поэмы А. И. Сусеева «Болд зүркн» («Стальное сердце», 1928), публиковавшейся также по-разному (как поэма, как стихотворение, но в русском переводе неизменно как стихотворение), но при этом в калмыцком литературоведении по-прежнему почему-то соотносимой с жанром поэмы [1].

Целью статьи является изучение неисследованной ранее поэмы Хасыра Сян-Белгина о Великой Отечественной войне «Балта эрэтэ альчур» («Медового цвета узорчатый платок», 1958) в аспекте поэтики вещи. Новизна исследования обусловлена семиотическим подходом к функции вещи в сюжете произведения, сравнительно-сопоставительным методом в фольклорной традиции калмыцкой народной песни, калмыцкой волшебной сказки и авторской поэмы.

Поэтика вещи ранее рассматривалась нами, например, на материале калмыцкой лирики XX–начала XXI вв. [13, 14] в сюжетобразующем, историко-функциональном, культурологическом, герменевтическом, мифопоэтическом, символическом, семантическом, этническом, сравнительно-сопоставительном, сравнительно-типологическом и др. аспектах.

Перспективным представляется прочтение поэм калмыцких поэтов XX в. о Великой Отечественной войне прежде всего в историко-функциональном освещении, с новой точки зрения по сравнению с предшествующим пониманием классических произведений.

Поэтика заглавия поэмы Х. Сян-Белгина «Балта эрэтэ альчур»

Как известно, заглавие произведения играет важную роль, определяя авторскую интенцию. Калмыцкий поэт назвал свое произведение «Балта эрэтэ альчур», переводчик представил название по-своему, неточно – «Шелковый узорчатый платок». По-калмыцки лексема «альчур» означает «платок», лексема «эрэтэ» – «1. пестрый; полосатый, 2. узорчатый» [15, с. 39, 701], т. е. в заглавии маркирована вещь: пестрый/узорчатый платок. Именно платок, а не носовой платок, т. к. тот именуется иначе: «хамрин альчур» [5, с. 39]; «хамр» – «нос» [15, с. 573]. Но в заглавии текста есть третья лексема «балта». Она имеет два значения: «1. пряник; медовая коврижка, 2. медовый» [15, с. 39]. Второе значение передает определение вкуса. Калмыцкий поэт создает эпитет, характеризующий колористику вещи – медового цвета: «Узорчатый платок цвета меда». Ср. простой вариант: «шар эрэтэ альчур» – «желтый узорчатый платок». «Шар» (калм.) – «желтый; рыжий; русый» [15, с. 39]. Помимо заглавия основное словосочетание встречается в тексте только в начальной строке текста, далее появляется другое: «намчта торһн альчур» – «узорчатый шелковый платок». «Намчта» – «1) имеющий листья, лиственный; 2) узорчатый» [15, с. 368]. «Торһн» – «шелк || шелковый» [15, с. 507]. Это словосочетание близко названию калмыцкой народной песни «Намчта торһн альчур» («Узорчатый шелковый платок»): в ней звучат заверения в любви и преданности молодого человека возлюбленной, которой он осенью подарил платок [16]. Обратим внимание на то, что в поэме и в народной песне подчеркиваются красота вещи (узорчатый), ее тонкий, мягкий материал (шелк). Если в народной песне не всегда акцентируется цветовая гамма подарка, то в авторской поэме указывается цвет. Не просто желтый, а цвета меда, насыщенный, глубокий цвет. По всей вероятности, калмыцкий поэт в контексте постулирует сладость любовного чувства молодых людей, не ограничиваясь констатацией колора. В отличие от народной калмыцкой песенной традиции, где дарителем выступает юноша, у Х. Сян-Белгина дарительницей платка стала провожающая возлюбленного на службу в армию накануне Великой Отечественной войны девушка, что не характерно для народных обычаев калмыков.

См., например, в записях современных экспедиционных фольклорных материалов: в одной калмыцкой народной песне восемнадцатилетний юноша, уходящий в армию, поет о том, как девушка, достав из сундука платок, подарила ему («Альчуран нанд белгллэч»), обещав ждать, а в другой песне, адресованной девушке по имени Цаган, еще один юноша-новобранец уточняет, что та подарила

ему платок с бахромой («Цацгта альчуран белгллэч»), обещая ждать [17]. Здесь не уточняются цвет, материал и рисунок этих вещей.

В то же время в варианте калмыцкой народной песни «Намчта торһн альчур» («Узорчатый шелковый платок») встречаем уточнение цвета вещи – коричневый (калм. «күрһ») [15], ее рисунка: буквы русского алфавита: «аз-буквта альчурла» [18, с. 52]. Юноша вспоминает, как подарил возлюбленный платок, как она выделяется среди сидящих девушек своим платком, узорчатым шелковым, как она снится ему, как он прислал ей этот подарок осенним месяцем, находясь вдали, как просит не забывать о нем.

Ср. у славян обрядовые, символические, знаковые функции платка как головного убора. А малый платок (шейный или носовой), обычно украшенный вышивкой, был предметом дарения девушек своим женихам, в качества дара мог служить символом любви и согласия на брак: девушки дарили своим возлюбленным вышитые ими платки в знак любви и верности [19].

Один из советских примеров – хрестоматийная песня «Синий платочек» на слова Якова Галицкого в редакции 1942 г. Михаила Максимова, которая стала наряду с довоенным вариантом символом любви и верности: подаренный синий платочек на женских плечах – образ мира и семьи, требующий защиты.

Таким образом, во-первых, заглавный эпитет «медовый», определяющий цвет платка, прогнозирует любовный мотив в сюжете поэмы калмыцкого поэта, во-вторых, такой подарок девушки возлюбленному имеет заимствованный характер, свидетельствуя о влиянии иных культур на знаковые выражения любовных чувств.

Сюжетообразующая функция платка в поэме калмыцкого поэта

Структура поэмы включает 4 части, обозначенные римскими числами, без оглавления, каждая маленькая часть состоит из 4 катренов, всего 82 стихотворные строки. Рама текста указывает на место и год создания: «Элст, 1958 ж.» («Элиста, 1958 г.») [8]. В русском переводе такой рамы нет. Для автора, вернувшегося после многолетнего заключения на родину, в ликвидированную ранее Калмыцкую АССР и ее столицу, переименованную прежде в город Степной, важно было актуализировать историческую справедливость в восстановлении калмыцкой республики и ее столицы Элисты, в поэме, посвященной теме Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

В поэме калмыцкого поэта платок выполняет сюжетообразующую функцию, начиная с заглавия. В первой части девушка по имени Бадма (санскр. бадм = лотос) [20] дарит своему возлюбленному по имени Нарма (калм. нарм = созвездие, звезда изобилия) [20] платок в знак любви и верности. «Балта эрэтэ альчур / Бадмин өгсн белг. / Иньгән мордулсн учр, / Итклин санл болг...» [8, с. 151] («Медового цвета узорчатый платок – подарок, данный Бадмой, по случаю отправки друга в армию, стань памятью о доверии»). Здесь и далее в круглых скобках наш смысловой перевод. – Р. Х.). Нарма торопливо кладет платок за пазуху, идя рядом с Бадмой. Она, прижавшись к его груди, признается ему в любви, назвав его своим сердцем, душой. В этой экспозиции нет географической локации, никаких топонимов, в контексте подразумевается, что действие происходит в калмыцкой степи, время события также не конкретизировано. После девичьего признания следует многоточие, передающее временной интервал. Заключительный катрен первой части текста уже переносит читателя в военный период: «Дээвлсн жил болн / Дээни хаалһ ут. / Дутсн-үлснһ олн, / Дурни күчн бат» [8, с. 151] («Каждый год войны качает, военная дорога длинна. Потери многочисленны, но сила любви крепнет»). Вторая часть начинается с описания событий на войне. «Кесг итклтэ үүрәсн / Кеер хаһцв, Нарм» [8, с. 152] («Сколько верных друзей лишился на полях

[сражений] Нарма»), но никогда не расставался с девичьим платком. «Намчта торһн альчурнь / Нармин өрчд шуртна. / Аюл-ээмшгт уутърсан / Альчуран үзэд мартна» [8, с. 152] («Узорчатый шелковый платок шуршит на груди Нармы. Беды-страхи войны забывает он, глядя на платок»). Если вначале фигурировал медовый цвет платка в лирической сцене прощания влюбленных, то в военных эпизодах на первый план выходит осязательный компонент (мягкий шелк), визуальный рисунок (узорчатый), но вновь без уточнения, что изображено на нем. В заключительном катрене этой части подчеркнуто, что Нарма из всех суровых испытаний в поединке со смертью выходит с честью, зажав платок, побеждает: «Альчуран атхад, диилнэ» [8, с. 152].

В третьей части события разворачиваются вокруг горы «Верблюды». Вновь нет обозначений военной дислокации, где происходят действия, в которых принимает участие герой поэмы. Он также не отмечен никаким воинским званием, видимо, рядовой солдат. Его часть получает приказ командира – взять высоту на горе «Верблюды», о победе над врагом известить поднятием флага: «”Темэн” уул авхиг / Теднэс командир некв. / Туслн, өшэтиг диилсэн / Тугар медүлхиг закв...» [8, с. 153]. Сам бой не описан, а Нарма получает ранение в бедро, льется кровь из раны, он зажимает рану платком. Автор не показал страданий раненого человека, подразумевается, что он мужественно переносит боль. Но и тут Нарма изображен без соратников, никто не приходит к нему на помощь. Может быть, он вырвался вперед, поэтому находится один на вершине.

В четвертой части на вершине горы Нарма ждет красный флаг. Правда, непонятно, кто его должен ему доставить. Поскольку времени нет, надо сообщить о победе: «Намчта торһн альчур / Нармин цуснд улана. / Бууд өргсн дарцг / Бульгслн зүрк булана» [8, с. 153] («Узорчатый шелковый платок стал красным от крови Нармы. Поднятый на штыке флаг волнует сердце»). Солдатская находчивость помогает Нарме. Медового цвета девичий платок, красный от пролитой солдатской крови, стал флагом победы, сигналом для командира о выполненной боевой задаче.

Заключительный катрен четвертой части передает авторский магтал-восхваление: «Дурта, цуста альчур, / Дуудад, байрта делс! / Советин баатр салдс, / Соньн кишгтэ улс!» [8, с. 154] («Платок любви и крови, радостно развевайся, призывая! Советские богатыри-солдаты, поистине счастливые люди!)). Фольклорная традиция восхваления героев, защитников Отечества, передана поэтом в форме обращения к флагу и людям, с использованием восклицательных знаков, риторических фигур.

Обратим внимание еще на одну функцию платка в третьей части поэмы. Несмотря на ранение в ногу, льющуюся кровь, солдату удается привязать платок к штыку, водрузить на вершине. Некоторое время он прижимал к ране платок, пытаясь остановить свою кровь. Вещь, подаренная любимой девушкой, выполняет магическую функцию исцеления в фольклорной традиции.

Ср. в калмыцкой волшебной сказке ««Меклэ дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном-лягушкой») [21] на сюжетный тип СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)» жена отправляется на поиски мужа, оживляет его с помощью трех белых платков, полученных ею от трех сестер чудесного супруга: она оборачивает поочередно каждым платком умершего мужа, катает его тело, пока он не воскрес [22].

В русских волшебных сказках типа СУС 532 и СУС 502 «герой, изменив свой облик, побеждает войско противника, и царевна перевязывает его рану своим платком»; сказка, сохранив «обрядовый предмет» (платок жениху как согласие невесты на брак), превратила его «в знак, свидетельствующий о совершении подвига» [23, с. 72, 73].

Таким образом, предметная реальность становится сюжетообразующим фактором с самого начала и до конца поэмы калмыцкого поэта.

Поэтика вещи в русском переводе поэмы «Шелковый узорчатый платок»

Проблема перевода произведений национальных литератур страны всегда была и остается до сих пор актуальной, но со временем становится все более очевидным, что многое из художественного наследия классиков национальной литературы не переведено, а то, что было переведено, не всегда выполнено на достойном уровне. В этом отношении творчество Х. Сян-Белгина не является исключением. Из двух десятков его поэм переведена лишь небольшая часть еще при жизни автора.

Стихи и поэмы поэта переводили разные переводчики, не владевшие калмыцким языком, с подстрочников. Подстрочники обычно выполнялись автором, в том числе, возможно, поручались им кому-либо иному. Отношения с переводчиками, судя по всему, складывались по-разному: длительные или короткие.

Поэму «Балта эрэтэ альчур» («Медового цвета узорчатый платок») перевел на русский язык Константин Николаевич Алтайский-Королев (лит. псевдоним Константин Алтайский, 1902–1978), поэт-переводчик. В его переводе она названа «Шелковый узорчатый платок», по согласованию с автором. В книжной публикации 1959 г. сохранены 4 части, только с арабскими числами, без катренов (сплошной текст), без рамы с местом и временем написания текста.

Переводчик сразу неверно обозначил шелковый узорчатый платок как «любви и верности залог» [12, с. 37]. Залог, как известно, способ обеспечения обязательства, а в данном случае платок – это подарок, знак любви и верности. В переводе Нарма назван женихом и другом Нармы, хотя в оригинале об этом нет речи. Чтобы локализовать события, переводчик ввел степной ландшафт («тихо шелестели ковыли»). Переиначивает он и монолог. Если у автора девушка коротко призналась в любви юноше, то в переводе, наоборот, звучит пространный монолог Нармы, вводящий мотив войны в произведение: «Нелегки, длинны пути войны, / Быть придется в стуже и во тьме, / Защищая честь родной страны. / Я платок твой спрячу на груди / И какой не разгорится бой, / Ты меня живым и целым жди, / А любовь твоя всегда со мной!» [12, с. 37].

Во второй части переводчик по-своему сохраняет канву прощания и клятв в родной степи, уточняя время («зеленела травами весна»), вероятно, создав психологический параллелизм в фольклорном плане: весна чувств – весна в природе. Он здесь водит ранение Нармы в сюжет: «Когда же ранен был, / Верил, что платок ему помог – / Как лекарство боли утолил» [12, с. 38]. Нарма кому-то доверительно говорил, что платок «спасет от тяжких ран / И всегда от смерти оградит» [12, с. 38]. При этом признался, что платок от любимой. Несмотря на то, что платок шелковый, солдат назвал его почему-то: «простой на вид» [12, с. 38]. А в первой строке поэмы вещь обозначена как красивая, нарядная («шелковый узорчатый платок»). Все эти детали, введенные переводчиком, не соответствуют второй части первоисточника, не отвечают характеру персонажа, его ментальности – сдержанности в проявлении чувств, тем более любовных.

В третьей части перевода возникают подробности боя, отсутствующие у автора: Нарма по приказу командира должен взять бойцов, ждущих его на опушке, занять, произведя обход, сопку по названию «Верблюды», к сопке подобраться по реке. В оригинале указана гора (калм. уул) [15]. «Грянул бой за сопку. По врагу / Били сокрушающим огнем» [12]. Нарма дважды ранен в бою, каждый раз «вдруг» «на ходу» и «на бегу» с такими ранениями: «Вдруг Нарма свалился на ходу, / Кровь из раны хлынула ручьем»; «Вдруг Нарма свалился на бегу, / Кровь пошла из правого бедра» [12, с. 38]. У автора нет уточнения, из

какого бедра сочилась кровь. Непонятно, как раненному в ногу солдату удастся по-прежнему бежать в бой, как утверждает переводчик. В этот момент боя вспоминается ему любимая: «Будто рядом шла в огонь и гром» [12, с. 38–39]. И тогда: «Рану он перевязал свою / Шелковым узорчатым платком» [12, с. 39].

В четвертой части перевода показано завершение боя: «Сопка занята. Повержен враг» [12, с. 39]. Если у автора солдатская находчивость помогла Нарме выполнить приказ командира – известить о взятии высоты красным флагом, то у переводчика это случайность. «Взор Нармы упал тут на платок. / Он Бадмы подарка не узнал. / Кровью шелк узорчатый намок / До того, что ярко-красным стал» [12, с. 39]. До этого цвет платка ни разу не упомянут, хотя в оригинале указан медовый цвет. Солдат снял платок с раны, «сдержав свой крик» [12, с. 39]. Такая подробность, отсутствующая в поэме, должна была, по мнению переводчика, видимо, придать эпизоду яркость и динамику. Без учета характеристики персонажа. Солдат прикрепил платок к штыку, «поднял, словно флаг над головой» [12, с. 39].

В отличие от авторской концовки магтала-восхваления переводчик ограничился по-своему, без риторических фигур, но с пафосом: «Запылал частицею зари / Шелк, приняв горячий крови цвет, / И пошли бойцы-богатыри / По дороге славы и побед» [12, с. 39].

На наш взгляд, отказ от фольклорной традиции восхваления нивелирует авторскую интенцию в переводе, как и от определения «советские солдаты», маркирующего принадлежность персонажей к советскому периоду истории страны. Кроме того, поэт соединил символ любви и победы в платке-флаге в конце своей поэмы, придав всеобъемлющий смысл этой вещи в сюжете произведения.

Заключение

Одна из первых поэм о Великой Отечественной войне в поэзии народного поэта Калмыкии Хасыра Сян-Белгина «Балта эрэтэ альчур» («Медового цвета узорчатый платок», 1958) отличается небольшим объемом (82 строки), структурой (4 маленькие части), строфикой (четыре катрена в 4 частях), рамой текста (место и время создания).

Поэтика заглавия отсылает к калмыцкой народной песне «Намчта торһн альчур» («Шелковый узорчатый платок»), в которой юноша вспоминает о своем платке, подаренном возлюбленной, печалится в разлуке, просит не забывать о нем.

Обыгрывая любовный мотив калмыцкой народной песни, Х. Сян-Белгин создал свое словосочетание «Балта эрэтэ альчур», трансформировав определение вкуса «медовый» в цветовой эпитет: «медового цвета». Новаторство автора проявилось в том, что в поэме девушка дарит юноше, уходящему служить в армию платок в знак любви и верности, – символ, не характерный для калмыков, заимствованный из иных культур (славянских). Вещь становится сюжетообразующим фактором в произведении, трансформируясь из знака любви и верности еще и в знак победы. Красота и нарядность вещи (цвет, шелк, рисунок) соразмерны в контексте девичьей красоте, ее любви. Цвет платка – не просто желтый, а медовый – символизирует сладость любовных чувств, сладость молодости и жизни. Цветовая метаморфоза вещи в поэме – из медового в красный – олицетворяет, с одной стороны, кровь жизни, с другой – кровь войны. Она скрепляет мир и войну в цветовой гамме, являя символ победы, побеждая смерть. Имена главных персонажей характеризуют их: девушка по имени Бадма – прекрасна и чиста, как лотос, юноша по имени Нарма – высок в своих помыслах и деяниях, как созвездие.

Поэма, лирическая по своей тональности, показывает главное событие (Великая Отечественная война) в жизни ее основных персонажей через их взаимоотношения, а не через батальные эпизоды. Такое изображение войны – не прямое, а локализо-

ванное – характерно и для поэмы поэта «Бурата хол деер» («На реке Бурата», 1961), через судьбы людей, через одну семью солдата.

Поэт придерживался традиции национального стихосложения, используя разные виды анафоры (единоначатия).

Например, парная:

«Намчта торһн альчурнь

Нармин өрчд шуртна» [8, с. 152].

Или сплошная. Например:

«Әх-үкх ирвчн,

Әмх-цухрх болвчн –

Өрүн дурни белг,

Өмн зүркн болг» [8, с. 152].

Использует автор и такую особенность калмыцкого стихосложения, как равное количество слов в строке. В данной поэме по 3 слова, начиная с заглавия.

Конечная рифма, не характерная ранее для калмыцкого стиха, в поэме отличается свободной компоновкой.

Изучение темы Великой Отечественной войны в поэзии Х. Сян-Белгина может быть продолжено на примере другой небольшой его поэмы «Әмд заль» («Живое пламя»), посвященной Вечному огню [8], до сих пор не ставшей объектом и предметом исследования.

Л и т е р а т у р а

1. Ханинова Р.М. «Стальное сердце» Аксена Сусеева как первая поэма в калмыцкой поэзии XX века. *Вестник Ставропольского государственного педагогического института*. 2026;1(29):155–161.

2. Мусова Н.Н. Военная тема в современной калмыцкой поэзии. В кн.: *Современный литературный процесс и литературная критика в Калмыкии*. Элиста, 1977:115–126.

3. Глинин Г.Г. «Поэта настоящее прозрение» (Очерк творчества Хасыра Сян-Белгина). Элиста: Калм. кн. изд-во; 1972:103.

4. Джамбинова Р.А. Патриарх литературы Х. Сян-Белгин. В кн.: Джамбинова Р.А. *Писатель и время*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1996:18–27.

5. Килганова З. Костры поэзии: творчество Хасыра Сян-Белгина. В кн.: Килганова З. *Поиски и находки: очерки творчества современных писателей Калмыкии*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1977:3–16.

6. Мацаков И.М. Хасыр Сян-Белгин. В кн.: Мацаков И.М. *Ветераны калмыцкой литературы*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1976:128–154.

7. Пюрвеев В.Д. Жанровое движение: эволюция жанровых форм и внутренние закономерности развития калмыцкой поэзии XX века. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1996:322.

8. Сян-Белгин Х. *Әмд заль*: поэмсин хураңһу. Элст: Хальмг дегтр һарһач; 1972:170.

9. Сян-Белгин Х. *Эңкр иньгүд*. Элст: Хальмг дегтр һарһач; 1961:13.

10. Сян-Белгин Х. *Поющий курган*: стихи и поэмы. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1966:96.

11. Сян-Белгин Х. *Теңгрин уйдл*: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач; 1977:125.

12. Сян-Белгин Х. *Шелковый узорчатый платок*. В кн.: Сян-Белгин Х. *Верность: стихи*. Элиста: Калм. кн. изд-во; 1959:37–39.

13. Ханинова Р.М. Поэтика вещи в калмыцкой лирике о сибирской ссылке. В кн.: «Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте», VI Международная науч. конф. (2023; Элиста). VI Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: востоковедное научное знание в современном контексте», 26–27 октября 2023 г. [Текст]: материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та; 2023:289–297.

14. Ханинова Р.М. Поэтика вещи как память о сибирской ссылке в калмыцкой лирике. В кн.: *Этнография Алтая и сопредельных территорий*: материалы 11-й Международной

научной конференции (Барнаул, 26–28 октября 2023 г.). «Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое измерение региональной истории и культуры народов». Вып. 11 / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ; 2023:413–416.

15. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык; 1977:768.

16. Коваева Б.М. *Калмыцкая народная песенная поэзия: традиция, современное состояние и формы бытования*: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.09. Элиста, 2017:222.

17. Хальмг амн зокъял. Кеерин хураңху материал. Калмыцкий фольклор. Коллекция экспедиционных материалов. [Текст] / Сост., вступ. ст. Е.Э. Хабунова. Элиста: Изд-во Калм. ниверситета; 2024:480.

18. Хальмгин дуд. Элст: Хальмг дегтр харһач; 1977:156.

19. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Международные отношения; 2009:656.

20. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: АУ РК «Издательский дом «Герел»; 2012:255.

21. Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Элиста, 1974:274.

22. Горяева Б.Б. Мотив иногo / подводного мира в калмыцкой волшебной сказке. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2025;4:135–145. doi.org/ 10.22162/2587-6503-2025-4-36-135-145

23. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора; 2009:224.

References

1. Khaninova R.M. “The Steel Heart” by Aksen Suseev as the first poem in Kalmyk poetry of the twentieth century. *Bulletin of the Stavropol State Pedagogical Institute*. 2026;1(29):155–161 (in Russian).

2. Musova N.N. The military theme in modern Kalmyk poetry. In: *Modern literary process and literary criticism in Kalmykia*. Elista, 1977:115–126 (in Russian).

3. Glinin G.G. “The Poet’s True Insight” (*Essay on the Work of Khasyr Syan-Belgin*). Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1972:103 (in Russian).

4. Dzhambinova R.A. The Patriarch of Literature Kh. Syan-Belgin. In: Dzhambinova R. A. *The Writer and Time*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1996:18–27 (in Russian).

5. Kilganova Z. The Fires of Poetry: The Work of Khasyr Syan-Belgin. In: Kilganova Z. *Searching and Finding: Essays on the Work of Contemporary Writers of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1977:3–16 (in Russian).

6. Matsakov M. Khasyr Syan-Belgin. In: Matsakov I. M. *Veteran of Kalmyk literature*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1976:128–154 (in Russian).

7. Pyurveyev V.D. Genre Movement: Evolution of Genre Forms and Internal Patterns of Development of Kalmyk Poetry in the 20th Century. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1996:322 (in Russian).

8. Syan-Belgin Kh. *Өмд зал: poemsin hurankhu*. Elst: Halmg degtr kharkhach, 1972:170 (in Kalmyk).

9. Syan-Belgin Kh. *Enkr ingud*. Elst: Halmg degtr harhach; 1961:13 (in Kalmyk).

10. Syan-Belgin Kh. *The Singing Kurgan: poems and poems*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1966:96 (in Russian).

11. Syan-Belgin Kh. *Теңгрин уйдл: шүлгүд*. Элст: Хальмг дегтр харһач; 1977:125 (in Kalmyk).

12. Syan-Belgin Kh. *Silk patterned handkerchief*. In: Syan-Belgin Kh. *Fidelity: verse*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1959:37–39 (in Russian).

13. Khaninova R.M. Poetics of things in Kalmyk lyrics about Siberian exile. In: *Network Oriental Studies: Oriental scientific knowledge in a modern context: Proceedings of the VI International Scientific Conference*, Elista, October 26–27, 2023. Elista: Kalmyk University Publishing House; 2023:289–297 (in Russian).
14. Khaninova R.M. Poetics of things as a memory of Siberian exile in Kalmyk lyrics. In: Shcheglova T.K. (Ed.) *Ethnography of Altai and adjacent territories in the discourse of innovative and traditional approaches: an anthropological dimension of regional history and culture of peoples: Proceedings of the 11th International Scientific Conference*, Barnaul, October 26–28, 2023. Barnaul: AltGPU, 2023:413–416 (in Russian).
15. Muniev B.D. (Ed). *Kalmyk Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk; 1977:768 (in Kalmyk and Russian).
16. Kovaeva B.M. *Kalmyk Folk Song Poetry: Tradition, Current State, and Forms of Existence*: Dissertation. ... Candidate of Philology. 10.01.09. Elista, 2017:222 (in Russian).
17. Halmg amn zoqyal. Keerin huranhu material. Kalmyk folklore. Collection of expedition materials. Comp., intro. by E. E. Khabunova. Elista: Kalmyk University Publishing House; 2024:480 (in Kalmyk).
18. Halmgin dood. Elst: Halmg degtr harhach, 1977:156 (in Kalmyk).
19. Tolstoy N.I. (Ed.). *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes* Vol. 4: P (Crossing the Water) — S (Sieve). Moscow: International Relations; 2009:656 (in Russian).
20. Monraev M.U. *Kalmyk personal names (semantics)*. 3rd edition, revised. and add. Elista: AU RK “Gerel Publishing House”; 2012:255 (in Kalmyk and Russian).
21. Khalmg tuuls. 4-gch bot. Comp. by B.B. Okonov, E.D. Munchinova. Elista, 1974:274 (in Kalmyk).
22. Goryaeva B.B. The Motif of the other World. Underwater World in a Kalmyk Fairy Tale. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025;4:135–145 (in Russian). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-135-145
23. Dobrovolskaya V.E. *Subjective Realities of the Russian Fairy Tale*. Moscow: State Republican Center for Russian Folklore; 2009:224 (in Russian).

Сведения об авторе

ХАНИНОВА Римма Михайловна – д. филол. н., доцент, в. н. с. отдела фольклора и литературы, ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», г. Элиста, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8099>, SPIN: 7168-2416, AuthorID: 464839, e-mail: khaninova@bk.ru

About the authors

Rimma Mikhailovna KHANINOVA – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, and Leading Researcher, Department of Folklore and Literature, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8099>, SPIN: 7168-2416, AuthorID: 464839, e-mail: khaninova@bk.ru

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 18.05.26

Поступила после рецензирования / Revised 11.06.26

Принята к публикации / Accepted 24.06.26